Вышелъ 1-го октября.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДВѢСТИ ДЕСЯТЫЙ.

1890.

КНИГО-

ОКТЯБРЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ПУШКИНЪ И ДАЛЬ. Л. Н. Майкова.

II. УЧАСТІЕ СЕРБІИ ВЪ ПОСЛѢДНЕЙ ВОЙНѢ. I—III. Г. И. Бобрикова.

III. ГЛУХОЕ ГНѢЗДО. I—VIII. Разсказъ. Н. И. Северина.

IV. „НА ПУТИ ЗАСТИГЛА НОЧЬ...“ Стих. Я. П. Полонскаго.

V. ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ МИХАЙЛОВСКАГО-ДАНИЛЕВСКАГО. III. (Окончаніе). Н. К. Шильдера.

VI. СНОШЕНІЯ СЪ ПЕРСІЕЙ ПРИ ГОДУНОВѢ. I. И. Н. Сугорскаго.

VII. ЗААТЛАНТИЧЕСКАЯ ДЕМОКРАТІЯ. I—III. А. П. М—скаго.

VIII. ПУСТЫНЯ. Разсказъ. I—X. П. П. Гнѣдича.

IX. НОВАЯ КНИГА О МИЦКЕВИЧѢ (Окончаніе). А. Ѳ. Копылова.

X. РУССКІЙ ЛѢСЪ. Стихотвореніе В. И. Туренина.

XI. КЪ СПОРУ СЪ г. ВЛ. СОЛОВЬЕВЫМЪ. I—II. П. Е. Астафьева.

XII. НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ. **Русской:** I. Вс. Вл. Крестовскій. „Тьма Египетская“, „Тамара Бендавидъ“. Романы. Спб. 1889—1890.—II. Уляницкій. „Сношенія Россіи съ Среднею Азіею и Индіею въ XVI—XVII вв.“. Москва. 1890.—III. Н. Сыромятниковъ. „Сага объ Эйрикѣ Красномъ“. Спб. 1890.—**Иностранной:** I. Comte Pontevés de Sobran.—„Un raid en Asie“, Paris. 1890.—II. Fr. Brentano. Von Ursprung Sittlicher Erkentniss. Leipzig. 1890.

XIII. ПИСЬМА ОБЪ ИСКУССТВѢ. VII. О русскомъ театрѣ. Д. К—а.

XIV. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Путешествія министровъ.—Пожеланія торговаго сословія.—Необходимость государственнаго и меліораціоннаго кредита.—Средства къ его осуществленію.—Слухи объ учрежденіи министерства земледѣлія.—Его задачи.—Курсъ и хлѣбныя цѣны.—По поводу

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДВѢСТИ ДЕСЯТЫЙ.

1890.

ПРОВЕРЕНО 1965

Октябрь.

30416 Проверено 1965 Р 1945 99

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Б. Подъяч., № 39.
1890.

ПУШКИНЪ И ДАЛЬ.

Въ тревогѣ пестрой и безплодной
Большаго свѣта и двора

пришлось Пушкину провести послѣдніе годы своей жизни, послѣ женитьбы. Но въ немъ постоянно горѣлъ яркій пламень творчества и высокой мысли. Отвлекаемый свѣтскими обязанностями, онъ особенно дорожилъ тѣми счастливыми минутами, когда могъ свободно отдаваться художественному или умственному труду, или наконецъ, живой бесѣдѣ съ людьми, способными возвыситься до глубокихъ созерцаній его мысли. Онъ искалъ этихъ людей не только среди старыхъ пріятелей, кругъ которыхъ уже начиналъ рѣдѣть и разсѣеваться, но и между новыми знакомыми, съ которыми сводили его обстоятельства. Къ числу новыхъ лицъ, сблизившихся съ нимъ въ эти годы, принадлежалъ, между прочимъ, Владиміръ Ивановичъ Даль. Далю было въ то время тридцать лѣтъ. Онъ еще не пользовался извѣстностью въ литературномъ мірѣ, но умственный складъ его уже вполнѣ опредѣлился; онъ не искалъ покровительства Пушкина, какъ многіе начинающіе писатели, но радъ былъ найти въ немъ нравственную поддержку тѣмъ занятіямъ, которымъ съ раннихъ лѣтъ посвящалъ свой досугъ, и которыя мало по малу дѣлались господствующимъ интересомъ его жизни.

Датчанинъ по происхожденію, но русскій по воспитанію, сперва кадетъ морскаго корпуса и мичманъ флота, а затѣмъ студентъ Дерптскаго университета и, въ качествѣ военнаго врача, участникъ турецкой и польской кампаній,—Даль въ своихъ многочисленныхъ странствованіяхъ по разнымъ концамъ Россіи пріобрѣлъ страстную охоту къ наблюденіямъ надъ

народнымъ языкомъ и бытомъ. Дѣло это, еще совершенно новое у насъ въ то время, уже давно занимало и Пушкина, который самъ, во время своей невольной деревенской жизни, записывалъ съ устъ народа пѣсни и сказки, прислушивался къ народному говору и даже, къ немалому смущенію своихъ критиковъ, вносилъ въ свои произведенія плоды своихъ наблюденій—живыя черты народнаго языка и быта. Къ сознательному убѣжденію въ пользѣ и необходимости этихъ изученій Пушкинъ пришелъ совершенно самостоятельно и раньше многихъ ученыхъ. То же убѣжденіе, и также не изъ книгъ, а изъ живаго опыта, выработалось у Даля, и онъ съ увлеченіемъ отдался занятіямъ народностью. Въ 1830 году онъ напечаталъ въ „Московскомъ Телеграфѣ“ небольшую повѣсть „Цыганка“, занимательный, просто и тепло написанный разсказъ изъ быта молдаванъ и молдавскихъ цыганъ. По обилію этнографическихъ чертъ повѣсть эта обнаруживала въ авторѣ внимательнаго и тонкаго наблюдателя народныхъ обычаевъ, нравовъ и типовъ, но она прошла въ литературѣ незамѣченною, и только самъ издатель „Телеграфа“ назвалъ ее „превосходною“, отдавая читателямъ отчетъ о своемъ журналѣ за 1830 годъ [1]). Въ 1832 году, Даль рѣшилъ сдѣлать первое примѣненіе изъ своего знакомства съ русскою народною рѣчью, издавъ небольшое сочиненіе, подъ заглавіемъ: „Русскія сказки, изъ преданія изустнаго на грамоту гражданскую переложенныя, къ быту житейскому приноровленныя и поговорками ходячими украшенныя казакомъ Луганскимъ. Пятокъ первый“. Появленіе этой книжки и подало поводъ къ сближенію Даля съ Пушкинымъ на почвѣ дѣла, которое ихъ обоихъ занимало.

Вскорѣ послѣ изданія „Русскихъ сказокъ“ Даль оставилъ Петербургъ, но въ 1833 году, когда Пушкинъ предпринялъ путешествіе въ восточную Россію для осмотра мѣстностей, гдѣ происходилъ пугачевскій бунтъ, Даль встрѣтился съ поэтомъ въ Оренбургѣ, объѣхалъ съ нимъ окрестности и провелъ нѣсколько дней въ дружескихъ бесѣдахъ. Наконецъ, предъ самою кончиной Пушкина, Далю случилось пріѣхать въ Петербургъ и быть свидѣтелемъ послѣднихъ дней поэта.

---

[1]) „Московскій Телеграфъ“, 1830 г., ч. 36, стр. 544. Повѣсть Даля помѣщена въ той же части; впослѣдствіи авторъ перепечатывалъ ее въ сборникахъ своихъ разсказовъ съ нѣкоторыми передѣлками и прибавкой новыхъ этнографическихъ подробностей. Въ изданіи сочиненій Даля, вышедшемъ въ 1861 году, повѣсть эта помѣщена въ III-мъ томѣ.

Итакъ, сношенія Даля съ Пушкинымъ были непродолжительны, даже не особенно коротки, но Даль сохранилъ о нихъ благодарное воспоминаніе и, семь лѣтъ спустя послѣ его смерти, написалъ разсказъ о своемъ знакомствѣ съ нимъ. Дѣло это онъ справедливо считалъ долгомъ всѣхъ, кто близко зналъ великаго поэта, и со своей стороны исполнилъ его, какъ умѣлъ. Къ сожалѣнію, прочіе друзья Пушкина не сдѣлали того же, и потому, вмѣсто цѣльнаго образа, начертаннаго дружескою рукой, мы имѣемъ о Пушкинѣ только отрывочные разсказы. Благодаря тонкой наблюдательности Даля и его глубокому уваженію къ Пушкину, а также благодаря тому, что Пушкинъ проявлялся въ бесѣдахъ съ нимъ самыми существенными чертами своей личности, воспоминанія Даля, несмотря на свою краткость, должны занять видное мѣсто въ ряду матеріаловъ для біографіи величайшаго представителя русской литературы. Рукопись своихъ воспоминаній Даль передалъ въ распоряженіе П. В. Анненкова, когда послѣдній сталъ собирать матеріалы для біографіи Пушкина. Но Анненкову не пришлось воспользоваться этимъ источникомъ, и рукопись Даля осталась въ его бумагахъ до сихъ поръ неизданная. Въ печати извѣстна только записка Даля о смерти Пушкина, помѣщенная въ „Московской Медицинской Газетѣ“ 1860 года. Неизданными воспоминаніями Даля мы имѣли возможность воспользоваться благодаря любезности Глафиры Александровны и Павла Павловича Анненковыхъ, которымъ считаемъ долгомъ выразить нашу глубокую признательность. Печатаемъ разсказъ Даля цѣликомъ, а за нимъ помѣщаемъ нѣсколько замѣчаній и дополненій, къ которымъ онъ подаетъ поводъ.

Воспоминанія о Пушкинѣ.

Крыловъ былъ въ Оренбургѣ младенцемъ; Скобелевъ чуть ли не стаивалъ въ немъ на часахъ; у Карамзиныхъ есть въ Оренбургской губерніи родовое помѣстье. Пушкинъ пробылъ въ Оренбургѣ нѣсколько дней въ 1833 году, когда писалъ Пугача, а Жуковскій—въ 1837 году, провожая государя цесаревича.

Пушкинъ прибылъ нежданный и нечаянный и остановился въ загородномъ домѣ у военнаго губернатора В. Ал. Перовскаго, а на другой день перевезъ я его оттуда, ѣздилъ съ нимъ

въ историческую Бердинскую станицу, толковалъ, сколько слышалъ и зналъ мѣстность, обстоятельства осады Оренбурга Пугачевымъ; указывалъ на Георгіевскую колокольню въ предмѣстіи, куда Пугачъ поднялъ было пушку, чтобы обстрѣливать городъ,—на остатки земляныхъ работъ между Орскихъ и Сакмарскихъ воротъ, приписываемыхъ преданіемъ Пугачеву. на зауральскую рощу, откуда воръ пытался ворваться по льду въ крѣпость, открытую съ этой стороны; говорилъ о незадолго умершемъ здѣсь священникѣ, котораго отецъ высѣкъ за то, что мальчикъ бѣгалъ на улицу собирать пятаки, коими Пугачъ сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ въ городъ вмѣсто картечи,—о такъ-называемомъ секретарѣ Пугачева Сычуговѣ, въ то время еще живомъ, и о бердинскихъ старухахъ, которыя помнятъ еще „золотыя“ палаты Пугача, то-есть, обитую мѣдною латунью избу.

Пушкинъ слушалъ все это—извините, если не умѣю иначе выразиться,—съ большимъ жаромъ и хохоталъ отъ души слѣдующему анекдоту: Пугачъ, ворвавшись въ Берды, гдѣ испуганный народъ собрался въ церкви и на паперти, вошелъ также въ церковь. Народъ разступался въ страхѣ, кланялся, падалъ ницъ. Принявъ важный видъ, Пугачъ прошелъ прямо въ алтарь, сѣлъ на церковный престолъ и сказалъ вслухъ: „Какъ я давно не сидѣлъ на престолѣ!“ Въ мужицкомъ невѣжествѣ своемъ онъ воображалъ, что престолъ церковный есть царское сѣдалище. Пушкинъ назвалъ его за это свиньей и много хохоталъ...

Мы поѣхали въ Берды, бывшую столицу Пугача, который сидѣлъ тамъ—какъ мы сейчасъ видѣли—на престолѣ. Я взялъ съ собою ружье, и съ нами было еще человѣка два охотниковъ. Пора была рабочая, казаковъ ни души не было дома; но мы отыскали старуху, которая знала, видѣла и помнила Пугача. Пушкинъ разговаривалъ съ нею цѣлое утро; ему указали гдѣ стояла изба, обращенная въ золотой дворецъ, гдѣ разбойникъ казнилъ нѣсколькихъ вѣрныхъ долгу своему сыновъ отечества; указали на гребень, гдѣ, по преданію, лежитъ огромный кладъ Пугача, зашитый въ рубаху, засыпанный землей и покрытый трупомъ человѣческимъ, чтобы отвесть всякое подозрѣніе и обмануть кладоискателей, которые, дорывшись до трупа, должны подумать, что это—простая могила. Старуха спѣла также нѣсколько пѣсенъ, относившихся къ тому же предмету, и Пушкинъ далъ ей на прощанье червонецъ.

Мы уѣхали въ городъ, но червонецъ надѣлалъ большую суматоху. Бабы и старики не могли понять, на что было чужому, пріѣзжему человѣку разспрашивать съ такимъ жаромъ о разбойникѣ и самозванцѣ, съ именемъ котораго было связано въ томъ краю столько страшныхъ воспоминаній, но еще менѣе постигали они, за что было отдать червонецъ. Дѣло показалось имъ подозрительнымъ: чтобы-де послѣ не отвѣчать за такіе разговоры, чтобы опять не дожить до какого грѣха да напасти. И казаки на другой же день снарядили подводу въ Оренбургъ, привезли и старуху, и роковой червонецъ и донесли: „Вчераде пріѣзжалъ какой-то чужой господинъ, примѣтами: собой не великъ, волосъ черный, кудрявый, лицомъ смуглый, и подбивалъ подъ „пугачевщину“ и дарилъ золотомъ; долженъ быть антихристъ, потому что вмѣсто ногтей на пальцахъ когти“ [1]). Пушкинъ много тому смѣялся.

До пріѣзда Пушкина въ Оренбургъ я видѣлся съ нимъ всего только раза два или три; это было именно въ 1832 году, когда я, по окончаніи турецкаго и польскаго походовъ, пріѣхалъ въ столицу и напечаталъ первые опыты свои. Пушкинъ, по обыкновенію своему, засыпалъ меня множествомъ отрывчатыхъ замѣчаній, которыя всѣ шли къ дѣлу, показывали глубокое чувство истины и выражали то, что, казалось, у всякаго изъ насъ на умѣ вертится и только-что съ языка не срывается. „Сказка сказкой“, говорилъ онъ, — „а языкъ нашъ самъ по себѣ, и ему-то нигдѣ нельзя дать этого русскаго раздолья, какъ въ сказкѣ. А какъ это сдѣлать,—надо бы сдѣлать, чтобы выучиться говорить по-русски и не въ сказкѣ... Да нѣтъ, трудно, нельзя еще! А что-за роскошь, что-за смыслъ, какой толкъ въ каждой поговоркѣ нашей! Что-за золото! А не дается въ руки, нѣтъ!“

По пути въ Берды Пушкинъ разсказывалъ мнѣ, чѣмъ онъ занятъ теперь, что еще намѣренъ и надѣется сдѣлать. Онъ усердно убѣждалъ меня написать романъ и—я передаю слова его, въ его память, забывая въ это время, къ кому они относятся,—и повторялъ: „Я на вашемъ мѣстѣ сейчасъ бы написалъ романъ, сейчасъ; вы не повѣрите, какъ мнѣ хочется написать романъ, но нѣтъ, не могу: у меня начато ихъ три, — начну прекрасно, а тамъ недостаетъ терпѣнія, не слажу“.

---

[1]) Пушкинъ носилъ ногти необыкновенной длины: это была причуда его. *Примѣчаніе Даля.*

Слова эти вполнѣ согласуются съ пылкимъ духомъ поэта и думнымъ, творческимъ долготерпѣніемъ художника; эти два рѣдкія качества соединялись въ Пушкинѣ, какъ двѣ крайности, два полюса, которые дополняютъ другъ друга и составляютъ одно цѣлое. Онъ носился во снѣ и на яву цѣлые годы съ какимъ-нибудь созданіемъ, и когда оно дозрѣвало въ немъ, являлось передъ духомъ его уже созданнымъ вполнѣ, то изливалось пламеннымъ потокомъ въ слова и рѣчь: металлъ мгновенно стынетъ въ воздухѣ, и созданіе готово. Пушкинъ потомъ воспламенился въ полномъ смыслѣ слова, коснувшись Петра Великаго, и говорилъ, что непремѣнно, кромѣ дѣписанія объ немъ, создастъ и художественное въ память его произведеніе: „Я еще не могъ доселѣ постичь и обнять вдругъ умомъ этого исполина: онъ слишкомъ огроменъ для насъ близорукихъ, и мы стоимъ еще къ нему близко, — надо отодвинуться на два вѣка, — но постигаю его чувствомъ; чѣмъ болѣе его изучаю, тѣмъ болѣе изумленіе и подобострастіе лишаютъ меня средствъ мыслить и судить свободно. Не надобно торопиться; надобно освоиться съ предметомъ и постоянно имъ заниматься; время это исправитъ. Но я сдѣлаю изъ этого золота что-нибудь. О, вы увидите: я еще много сдѣлаю! Вѣдь даромъ что товарищи мои всѣ посѣдѣли да оплѣшивѣли, а я только-что перебѣсился; вы не знали меня въ молодости, каковъ я былъ; я не такъ жилъ, какъ жить бы должно; бурный небосклонъ позади меня, какъ оглянусь я...“

Послѣднія слова свѣжо отдаются въ памяти моей, почти въ ушахъ, хотя этому прошло уже семь лѣтъ. Слышавъ много о Пушкинѣ, я никогда и нигдѣ не слыхалъ, какъ онъ думаетъ о себѣ и о молодости своей, оправдываетъ ли себя во всемъ, доволенъ ли собою, или нѣтъ; а теперь услышалъ я это отъ него самого, видѣлъ передъ собою не только поэта, но и человѣка. Переломъ въ жизни нашей, когда мы, проспавъ нѣсколько лѣтъ дѣтьми въ личинкѣ, сбрасываемъ съ себя кожуру и выходимъ на свѣтъ вновь родившимся, полнымъ твореніемъ, дѣлаемся изъ дѣтей людьми,—переломъ этотъ не всегда обходится безъ насилій и не всякому становится дешево. Въ человѣкѣ буднишнемъ перемѣна не велика; чѣмъ болѣе необыкновеннаго готовится въ юношѣ, чѣмъ онъ болѣе изъ ряду вонъ, тѣмъ сильнѣе порывы закованной въ желѣзныя путы души.

Мнѣ достался отъ вдовы Пушкина дорогой подарокъ: пер-

стень его съ изумрудомъ, который онъ всегда носилъ послѣднее время и называлъ—не знаю почему—талисманомъ; досталась отъ В. А. Жуковскаго послѣдняя одежда Пушкина, послѣ которой одѣли его, только чтобы положить въ гробъ. Это черный сюртукъ съ небольшою, въ ноготокъ, дырочкою противъ праваго пàха. Надъ этимъ можно призадуматься. Сюртукъ этотъ должно бы сберечь и для потомства; не знаю еще, какъ это сдѣлать; въ частныхъ рукахъ онъ легко можетъ затеряться, а у насъ некуда отдать подобную вещь на всегдашнее сохраненіе [1]).

Пушкинъ, я думаю, былъ иногда и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ суевѣренъ; онъ говаривалъ о примѣтахъ, которыя никогда его не обманывали, и, угадывая глубокимъ чувствомъ какую-то таинственную непостижимую для ума связь между разнородными предметами и явленіями, въ коихъ, повидимому, нѣтъ ничего общаго, уважалъ тысячелѣтнее преданіе народа, доискивался въ немъ смыслу, будучи убѣжденъ, что смыслъ въ немъ есть и быть долженъ, если не всегда легко его разгадать. Всѣмъ близкимъ къ нему извѣстно странное происшествіе, которое спасло его отъ неминуемой большой бѣды. Пушкинъ жилъ въ 1825 году въ псковской деревнѣ, и ему запрещено было изъ нея выѣзжать. Вдругъ доходятъ до него темные и несвязные слухи о кончинѣ императора, потомъ объ отреченіи отъ престола цесаревича; подобныя событія проникаютъ молніемъ сердца каждаго, и мудрено ли, что въ смятеніи и волненіи чувствъ участіе и любопытство деревенскаго жителя неподалеку отъ столицы возросло до неодолимой степени? Пушкинъ хотѣлъ узнать положительно, сколько правды въ носящихся разнородныхъ слухахъ, что̀ дѣлается у насъ и что̀ будетъ; онъ вдругъ рѣшился выѣхать тайно изъ деревни, разсчитавъ время такъ, чтобы прибыть въ Петербургъ поздно вечеромъ и потомъ черезъ сутки же возвратиться. Поѣхали; на самыхъ выѣздахъ была уже не помню какая-то дурная примѣта, замѣченная дядькою, который исполнялъ приказаніе барина своего на этотъ разъ очень неохотно. Отъѣхавъ немного отъ села, Пушкинъ сталъ уже раскаяваться въ предпріятіи этомъ, но ему совѣстно было отъ него отказаться, казалось малодушнымъ. Вдругъ дядька указываетъ

---

[1]) Я подарилъ его М. П. Погодину.

Позднѣйшее примѣчаніе Даля.

съ отчаяннымъ возгласомъ на зайца, который перебѣжалъ впереди коляски дорогу; Пушкинъ съ большимъ удовольствіемъ уступилъ убѣдительнымъ просьбамъ дядьки, сказавъ, что, кромѣ того, позабылъ что-то нужное дома, и воротился. На другой день никто уже не говорилъ о поѣздкѣ въ Питеръ, и все осталось по-старому. А еслибы Пушкинъ не послушался на этотъ разъ зайца, то пріѣхалъ бы въ столицу поздно вечеромъ 13-го декабря и остановился бы у одного изъ товарищей своихъ по лицею, который кончилъ жалкое и бѣдственное поприще свое на другой же день... Прошу сообразить всѣ обстоятельства эти и найдти средства и доводы, которые бы могли оправдать Пушкина впослѣдствіи по крайней мѣрѣ отъ слишкомъ естественнаго обвиненія, что онъ пріѣхалъ не безъ цѣли и зналъ о преступныхъ замыслахъ своего товарища.

Пусть бы всякій сносилъ въ складчину все, что̀ знаетъ не только о Пушкинѣ, но и о другихъ замѣчательныхъ мужахъ нашихъ. У насъ все родное теряется въ молвѣ и памяти, и внуки наши должны будутъ искать назиданія въ жизнеописаніяхъ людей не русскихъ, къ своимъ же по неволѣ охладѣютъ, потому что ознакомиться съ ними не могутъ; свои будутъ для нихъ чужими, а чужіе сдѣлаются близкими. Хорошо ли это?

Много алмазныхъ искръ Пушкина разсыпались тутъ и тамъ въ потемкахъ; иныя уже угасли и едва-ли не навсегда; много подробностей жизни его извѣстно на разныхъ концахъ Россіи: ихъ надо бы снести въ одно мѣсто. А. П. Брюлловъ сказалъ мнѣ однажды, говоря о Пушкинѣ: „Читая Пушкина, кажется, видишь, какъ онъ жжетъ молніемъ выжигу изъ обносковъ: въ одинъ ударъ тряпье въ золу, и блеститъ чистый слитокъ золота“.

Было уже упомянуто, что поводомъ къ знакомству Пушкина съ Далемъ послужило появленіе въ 1832 году „перваго пятка“ „Русскихъ сказокъ“ казака Луганскаго. Въ этомъ сборникѣ заключались слѣдующія сказки: 1) „О Иванѣ молодомъ сержантѣ, удалой головѣ, безъ роду, безъ племени, спроста безъ прозвища“; 2) „О Шемякинскомъ судѣ и о воеводствѣ и о прочемъ; была когда-то быль, а нынѣ сказка буднишняя“; 3) „О Рогволодѣ и Могучанѣ царевичахъ, равно и о третьемъ единоутробномъ ихъ братѣ, о славныхъ подвигахъ и дѣяніяхъ ихъ и о новомъ княжествѣ и княженіи“; 4) „Новинка-диковинка или невиданное чудо, неслыханное диво“, и 5) „О похожденіяхъ чортопослушника, Сидора Поликарпо-

вича, на морѣ и на сушѣ, о неудачныхъ соблазнительныхъ попыткахъ его и объ окончательной пристройкѣ его по части письменной". Изданіе этихъ „Сказокъ" произвело нѣкоторое волненіе въ обществѣ и въ литературѣ. Едва вышли онѣ въ свѣтъ, какъ Булгаринъ подалъ на автора доносъ, въ которомъ содержаніе двухъ сказокъ (именно первой и пятой) было безсовѣстно перетолковано; вслѣдствіе того Даль былъ арестованъ, и только ходатайство Жуковскаго и академика Паррота, знавшихъ автора по Дерпту, выручило его изъ бѣды [1]). Книжка была изъята изъ обращенія въ публикѣ; понятно поэтому, что журналы ни словомъ не упомянули о ней, но въ литературныхъ кружкахъ она подала поводъ къ толкамъ. По словамъ самого Даля, за „Сказки" „и похвалили, и побранили писателя, погладили по головѣ и попросили садиться, между тѣмъ какъ другіе просили его ходить и жаловать только на задній дворъ" [2]). Это послѣднее мнѣніе принадлежало, разумѣется, литературнымъ старовѣрамъ, которымъ введеніе выраженій простонароднаго языка въ изящную словесность казалось непозволительною ересью. И самому Пушкину не разъ высказывались осужденія въ томъ же смыслѣ. О мнѣніи тѣхъ, кто хвалилъ „Сказки" Даля, мы имѣемъ свидѣтельство—нѣсколько позднѣйшее—И. С. Тургенева. Въ своемъ разборѣ сочиненій Даля, напечатанномъ въ 1846 году, онъ сообщаетъ слѣдующее: „Когда... появились первыя рѣсказни казака Луганскаго, онѣ обратили на себя всеобщее вниманіе читателей русскимъ складомъ ума и рѣчи, изумительнымъ богатствомъ чисто русскихъ поговорокъ и оборотовъ. Нельзя было признать въ нихъ особеннаго художественнаго достоинства со стороны содержанія, но своимъ неподдѣльнымъ и свѣжимъ колоритомъ онѣ рѣзко отличались отъ пошлаго балагурства не признанныхъ народныхъ писателей [3]). Пушкинъ, разумѣется, былъ на сторонѣ Даля; по словамъ П. И. Мельникова, онъ былъ въ восхищеніи отъ „Сказокъ" Луганскаго, подъ вліяніемъ ихъ написалъ лучшую свою сказку „О рыбакѣ и рыбкѣ"

---

[1]) „Воспоминанія о В. И. Далѣ" П. И. Мельникова—„Русскій Вѣстникъ" 1873 г., № 3, стр. 299. Въ 1861 году „Сказки" Даля были перепечатаны въ собраніи его сочиненій.

[2]) „Полтора слова о нынѣшнемъ русскомъ языкѣ", статья Даля въ „Москвитянинѣ" 1842 г., кн. II, стр. 549.

[3]) Полное собраніе сочиненій И. С. Тургенева, изд. 1884 г., т. X, стр. 335.

и подарилъ ее Далю въ рукописи, съ надписью: „Твоя отъ твоихъ! Сказочнику казаку Луганскому сказочникъ Александръ Пушкинъ“ [1]).

Несмотря на такой успѣхъ, Даль находилъ, что никто не понялъ цѣли, съ какою онъ издалъ свои „Сказки“. Десять лѣтъ спустя по ихъ выходѣ, онъ объяснилъ эту цѣль слѣдующимъ образомъ [2]): „Не сказки по себѣ были ему важны, а русское слово, которое у насъ въ такомъ загонѣ, что ему нельзя было показаться въ люди безъ особаго предлога и повода,—и сказка послужила предлогомъ. Писатель задалъ себѣ задачу познакомить земляковъ своихъ сколько-нибудь съ народнымъ языкомъ, съ говоромъ, которому открывался такой вольный разгулъ и широкій просторъ въ народной сказкѣ. Еслибы тотъ же самый писатель вздумалъ когда-нибудь издать собраніе русскихъ сказокъ, то конечно, написалъ бы ихъ проще и незатѣйливѣе. Я бы желалъ, чтобы кто-нибудь изъ благомыслящихъ людей, не искавшій въ помянутыхъ „Сказкахъ“ того, о чемъ здѣсь говорится, прочелъ ихъ теперь съ особеннымъ вниманіемъ на языкъ, на духъ и складъ рѣчи и на самыя слова. Можетъ быть, это былъ бы и не совсѣмъ напрасный трудъ. Но здѣсь опять необходима оговорка, чтобы не выворотили на нашемъ братѣ тулупъ на изнанку, изъ *Луки* сдѣлали *акулу*: сказочникъ никогда не ставитъ „Сказки“ свои въ примѣръ слога и языка, не говорилъ и не говоритъ, что такъ именно должно писать по-русски. Нѣтъ, онъ хотѣлъ только на первый случай показать небольшой образчикъ—и право, не съ казоваго конца—образчикъ *запасовъ*, о которыхъ мы мало или вовсе не заботились, между тѣмъ какъ рано или поздно безъ нихъ не обойтись“ [3]).

Дѣйствительно, читая Далевы „Сказки“ 1832 года, нельзя не видѣть, во-первыхъ, что это не подлинныя народныя сказки, записанныя съ устъ народа, а собственное сочиненіе казака Луганскаго, едва-едва намекающее на народные мотивы, и во-вторыхъ, что авторъ ихъ обладалъ богатымъ знаніемъ словъ и оборотовъ народной рѣчи. Но что касается ея „склада“ или слога, то очевидно, Даль имѣлъ въ этомъ отношеніи понятія очень одностороннія. Складъ рѣчи въ Далевыхъ „Сказкахъ“—говоря его же словами—затѣйливъ, непростъ и даже кудрявъ.

[1]) Мельниковъ—въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1873 г., № 3, стр. 298.

[2]) Онъ говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ.

[3]) „Москвитянинъ“, 1842 г., кн. II, стр. 540 и 550.

По большей части это особенная, размѣренная или риѳмованная проза, притомъ обильно приправленная поговорками, присловьями и прибаутками, проза, въ концѣ концовъ столь же искусственная, однообразная и утомительная, какъ высокопарный слогъ старинныхъ риторовъ. Замѣчательно также, что при всемъ стараніи точно соблюсти народность своей рѣчи Даль далеко не вполнѣ выдерживаетъ этотъ пріемъ: нерѣдко въ „Сказкахъ“ рядомъ съ русскою формою словъ встрѣчаются славянизмы, и произошло это, повидимому, отъ того, что образцами служили автору сказки не только изъ живой устной передачи, но и изъ лубочныхъ изданій, уже усвоившихъ себѣ нѣкоторую долю книжности. Короче говоря, своими „Сказками“ Даль показалъ, что онъ много наблюдалъ и изучалъ народную рѣчь, но свободно владѣть ею не умѣлъ.

Это обстоятельство не могло ускользнуть отъ вниманія такого великаго мастера русскаго языка, какимъ былъ Пушкинъ, и его необходимо имѣть въ виду, читая разсказъ Даля о томъ, что̀ говорилъ ему Пушкинъ по поводу „Сказокъ“ казака Луганскаго: не о сочиненіи Даля повелъ онъ рѣчь, не о томъ, насколько сказочникъ умѣетъ владѣть народнымъ языкомъ, а о самомъ этомъ языкѣ, о его богатствѣ и выразительности. Даль интересовалъ Пушкина какъ собиратель сокровищъ, „запасовъ“ народнаго слова, и въ этомъ направленіи поэтъ горячо поддерживалъ его, какъ и свидѣтельствуетъ о томъ самъ Даль въ своей автобіографической запискѣ, доставленной имъ Я. К. Гроту [1]).

Мы привели выше слова Даля, которыми онъ отстраняетъ отъ себя приписанное ему притязаніе дать въ „Сказкахъ“ 1832 года образцы настоящаго слога для русской прозы, и думаемъ, что онъ не кривилъ душой въ этомъ случаѣ: по крайней мѣрѣ свои повѣсти и бытовые очерки онъ писалъ обыкновеннымъ литературнымъ языкомъ, а тотъ особенный „складъ рѣчи“, который употребленъ въ книжкѣ 1832 года, приберегалъ онъ исключительно для сказокъ [2]). Даль былъ упрямъ и не отступалъ отъ этой манеры даже въ позднѣйшихъ своихъ произведеніяхъ такого рода, — за то и критика, въ лицѣ Бѣ-

[1]) „Воспоминаніе о В. И. Далѣ“ *Я. К. Грота*—въ Сборникѣ II-го отдѣленія Имп. Академіи Наукъ, т. X, приложеніе 9-е, стр. 42.

[2]) Точно также, настоящія народныя сказки, вошедшія съ записей Даля въ сборникъ А. Н. Аѳанасьева, отличаются простотой рѣчи, безъ всякихъ кудрявыхъ прикрасъ.

линскаго, постоянно преслѣдовала его за эту искусственность, хотя тотъ же Бѣлинскій очень цѣнилъ и хвалилъ бытовые очерки и разсказы казака Луганскаго, и не только за содержаніе, но и за изложеніе. Что же касается Пушкина, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что онъ вовсе не былъ расположенъ къ коренной и притомъ искусственной перестройкѣ русскаго литературнаго языка; говоря въ 1825 году объ его историческомъ развитіи, онъ выразился слѣдующими словами: „Простонародное нарѣчіе необходимо должно было отдѣлиться отъ книжнаго, но впослѣдствіи они сблизились, и такова стихія, данная намъ для сообщенія нашихъ мыслей“ [1]). Онъ впрочемъ не отрицалъ, что языкъ нашей прозы еще не выработанъ; но постепенное, а не насильственное сближеніе книжной рѣчи съ народною всегда оставалось его твердымъ убѣжденіемъ; это же убѣжденіе, какъ основанное не на отвлеченномъ принципѣ, а на здравомъ смыслѣ и живомъ художественномъ чувствѣ, унаслѣдовали отъ геніальнаго поэта лучшіе писатели послѣ-пушкинскаго періода: напомнимъ Тургенева [2]).

Послѣ всего сказаннаго считаемъ себя въ правѣ не согласиться съ мнѣніемъ Далева біографа Мельникова о томъ, что сказка „О рыбакѣ и рыбкѣ“ написана подъ вліяніемъ перваго пятка „Сказокъ“ казака Луганскаго. Еще раньше знакомства съ нимъ и съ его сборникомъ Пушкинъ сталъ перекладывать въ стихи народныя сказки, слышанныя имъ отъ своей няни;

---

[1]) Сочиненія Пушкина, изданіе литературнаго фонда, т. V, стр. 27.

[2]) Извѣстно, какъ высоко цѣнилъ Пушкинъ силы и средства русскаго языка. Такой же отзывъ находимъ у Тургенева въ его обращеніи къ молодымъ писателямъ: „Берегите нашъ языкъ, нашъ прекрасный русскій языкъ, этотъ кладъ, это достояніе, переданное намъ нашими предшественниками, въ челѣ которыхъ блистаетъ... Пушкинъ! Обращайтесь почтительно съ этимъ могущественнымъ орудіемъ: въ рукахъ умѣлыхъ оно въ состояніи творить чудеса!“ (Сочиненія Тургенева, изд. 1884 г., т. X, стр. 113). Авторъ „Записокъ охотника“ является достойнымъ ученикомъ автора „Онѣгина“ въ художественномъ умѣньи пользоваться народною рѣчью для литературнаго языка. Замѣчательно между прочимъ, что эстетическое чувство, столь тонкое у Бѣлинскаго, измѣнило ему въ оцѣнкѣ этого искусства Тургенева: въ письмѣ къ П. В. Анненкову, 1847 года, Бѣлинскій, по поводу первыхъ очерковъ изъ „Записокъ охотника“, замѣчалъ, что авторъ ихъ „пересаливаетъ въ употребленіи словъ орловскаго языка, даже отъ себя употребляя слово *зделя* , которое также безсмысленно, какъ *мясня* и *хлѣбня* вмѣсто мяса и хлѣба“. Позднѣйшая критика отвергла этотъ строгій приговоръ ср. Бѣлинскій, его жизнь и переписка, *А. Н. Пыпина*, т. II, стр. 324).

затѣмъ попалась ему въ руки книга Мериме съ псевдо-сербскими пѣснями и тоже дала матеріалъ для нѣсколькихъ переложеній, но рядомъ съ нею Пушкинъ пользовался сборникомъ настоящихъ сербскихъ пѣсенъ Вука Караджича. Разнообразя въ этихъ опытахъ характеръ и тонъ изложенія и самый размѣръ, поэтъ, очевидно, искалъ наиболѣе подходящей формы для подобныхъ произведеній въ духѣ народнаго творчества. Сказка „О рыбакѣ и рыбкѣ", была просто однимъ изъ такихъ опытовъ, и безъ сомнѣнія, самымъ счастливымъ. Извѣстно, что Пушкинъ первоначально предполагалъ включить эту сказку въ составъ „Пѣсенъ западныхъ славянъ" [1]); она и сложена тѣмъ же сербскимъ эпическимъ размѣромъ, который онъ употребилъ для нѣкоторыхъ изъ этихъ пѣсенъ. Простота рѣчи, какъ и вымысла, въ этомъ превосходномъ произведеніи не встрѣчаетъ ничего подобнаго себѣ въ „Сказкахъ" казака Луганскаго. Итакъ, не вѣрнѣе ли будетъ сказать, что подарокъ, сдѣланный Пушкинымъ Далю, заключалъ въ себѣ нѣкоторый косвенный урокъ ему или, по крайней мѣрѣ, наглядный примѣръ того, какъ слѣдуетъ пересказывать народныя сказки? Даль, къ сожалѣнію, не воспользовался этимъ урокомъ и не освободился отъ своихъ искусственныхъ пріемовъ изложенія даже тогда, когда вздумалъ написать сказку „О Георгіи Храбромъ и сѣромъ волкѣ", содержаніе которой было сообщено ему Пушкинымъ [2]).

Когда, черезъ годъ послѣ своихъ петербургскихъ бесѣдъ съ авторомъ „Русскихъ сказокъ", Пушкинъ встрѣтился съ нимъ во время поѣздки въ восточную Россію, то имѣлъ случай узнать и оцѣнить Даля съ новой стороны—на поприщѣ непосредственныхъ сношеній съ народомъ и собиранія живой народной старины. Какъ видно изъ разсказа Даля, онъ неразлучно провелъ съ Пушкинымъ тѣ пять дней, которые поэтъ прожилъ въ Оренбургѣ—съ 18-го по 23-е сентября [3]). Собираясь писать „Исторію Пугачевскаго бунта", Пушкинъ желалъ прислушаться къ мѣстнымъ преданіямъ и народнымъ разсказамъ о Пугачевщинѣ. Онъ хорошо зналъ, что народныя преданія драгоцѣнны и незамѣнимы для историка, потому что даютъ его разсказу печать живой современности, но не забы-

---

[1]) Сочиненія Пушкина, т. III, стр. 514, примѣчаніе.
[2]) Сочиненія Даля, изд. 1861 г., ч. IV, стр. 311.
[3]) Сочиненія Пушкина, т. VII, стр. 326, 327.

валъ также, что они требуютъ строгой повѣрки и осмотрительности [1]); поэтому, собственно въ „Исторіи“ онъ пользовался ими умѣренно: изъ преданій, сообщенныхъ Далемъ или при его посредствѣ, онъ внесъ въ нее только одно—о пушкѣ, поднятой на колокольню въ предмѣстьи Оренбурга, для обстрѣливанія города [2]). За то народныя воспоминанія о пугачевской эпохѣ, которыхъ Пушкинъ собралъ во время своей поѣздки немало, отразились очень ярко въ „Капитанской дочкѣ“.

Съ особенною силой эти воспоминанія охватили поэта, когда онъ посѣтилъ Бердскую слободу и нашелъ здѣсь живыхъ свидѣтельницъ дикаго бунта. Объ одной изъ нихъ онъ писалъ тогда же своей женѣ: „Въ деревнѣ Бердѣ, гдѣ Пугачевъ простоялъ 6 мѣсяцевъ, имѣлъ я une bonne fortune—нашелъ 75-тилѣтнюю казачку, которая помнитъ это время, какъ мы съ тобою помнимъ 1830 годъ. Я отъ нея не отставалъ; виноватъ, и про тебя не подумалъ“ [3]). Разсказы о былыхъ ужасахъ, услышанные на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они совершались, могущественнымъ образомъ подѣйствовали на воображеніе Пушкина: въ „Исторіи“ онъ пріурочиваетъ къ Бердской слободѣ изображеніе внутренняго состоянія пугачевскихъ скопищъ, а въ повѣсти цѣлая глава, подъ названіемъ „Мятежная слобода“, рисуетъ рядъ яркихъ картинъ этого быта; тутъ, между прочимъ, упоминается о золотыхъ палатахъ Пугачева, про которыя разсказывала Пушкину бердская казачка. Въ эпиграфахъ къ нѣкоторымъ главамъ повѣсти и въ ея текстѣ авторъ помѣстилъ нѣсколько народныхъ пѣсенъ—быть можетъ, изъ числа тѣхъ, которыя пѣла ему та же бердская его знакомка [4]). Въ главѣ восьмой, гдѣ описанъ военный совѣтъ у Пугачева и

---

[1]) Сочиненія Пушкина, т. VI, стр. 207.

[2]) Тамъ же, стр. 20.

[3]) Тамъ же, т. VII, стр. 327.

[4]) По разсказу Даля, старуха пѣла пѣсни, относившіяся до Пугачевщины. Должно, однако, замѣтить, что въ народѣ сохранилось мало пѣсенъ касательно этого событія: въ 9-мъ выпускѣ сборника Кирѣевскаго помѣщено всего восемь пѣсенъ, имѣющихъ отношеніе къ Пугачевскому бунту и связаннымъ съ нимъ событіямъ, да еще одна пѣсня сообщена М. Л. Михайловымъ въ его „Уральскихъ очеркахъ“ („Морск. Сборникъ“ 1859 г. № 9). Изъ пѣсенъ, находящихся въ сборникѣ Кирѣевскаго, только двѣ записаны въ Оренбургскомъ краѣ, и въ томъ числѣ одна—Далемъ. Если принять это во вниманіе, то слѣдуетъ допустить, что бердская старуха пѣла Пушкину вообще казацкія пѣсни, а не только изъ временъ Пугачевщины.

слѣдовавшая за нимъ попойка, приводится „заунывная бурлацкая пѣсня“, которую на прощанье передъ сномъ затянули пировавшіе, и вслѣдъ затѣмъ разскащикъ—герой повѣсти—прибавляетъ: „Невозможно разсказать, какое дѣйствіе произвела на меня эта простонародная пѣсня про висѣлицу, распѣваемая людьми, обреченными висѣлицѣ. Ихъ грозныя лица, стройные голоса, унылое выраженіе, которое придавали они словамъ, и безъ того выразительнымъ,—все потрясало меня какимъ-то піитическимъ ужасомъ“. Въ этихъ словахъ Гринева легко угадать собственное настроеніе поэта въ ту пору, когда народныя воспоминанія переносили его воображеніе ко временамъ и въ обстановку пугачевской смуты.

Разсказъ Даля прекрасно передаетъ живость и силу впечатлѣній, пережитыхъ Пушкинымъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ происходило народное волненіе; отъ вниманія наблюдательнаго собесѣдника не ускользнуло и то, что эти впечатлѣнія уже претворялись въ душѣ Пушкина въ поэтическіе образы. Едва пріѣхавъ въ Оренбургъ, онъ писалъ своей женѣ: „Ужь чувствую, что дурь на меня находитъ—я и въ коляскѣ сочиняю, что̀ жъ будетъ въ постелѣ?“ [1]) Извѣстно, что сюжетъ „Капитанской дочки“ взятъ Пушкинымъ изъ анекдота, который былъ ему разсказанъ въ Оренбургскомъ краѣ [2]). Въ бесѣдахъ съ Далемъ поэтъ совѣтовалъ ему приняться за романъ и сознался, что самъ занятъ тою же задачей, что у него начато цѣлыхъ три романа. Дѣйствительно, къ 1831 и 1832 годамъ относится цѣлый рядъ его набросковъ повѣствовательнаго содержанія, а два года спустя послѣ этого разговора, онъ составилъ программу „Русскаго Пелама“, большаго романа, въ которомъ должна была развернуться картина русскаго общества двадцатыхъ годовъ. Но всѣ эти замыслы Пушкину не суждено было выполнить, какъ не осуществилъ онъ и другаго своего намѣренія—написать исторію Петра Великаго.

Въ высшей степени любопытно въ разсказѣ Даля то, что̀ Пушкинъ говорилъ ему о Петрѣ. Подготовительными работами для его исторіи Пушкинъ сталъ заниматься съ 1831 г. и не покидалъ ихъ почти до самой смерти. Но едва-ли можно утвердительно сказать, чтобы задуманный имъ историческій трудъ былъ непремѣнно доведенъ до конца, еслибы судьба

[1]) Сочиненія Пушкина, т. VII, стр. 326.
[2]) Тамъ же, т. IV, стр. 275.

даже продлила дни автора. Вѣрно лишь то, что Пушкинъ много размышлялъ о значеніи и характерѣ Петровскаго переворота, и что онъ старался постигнуть во всей полнотѣ личность великаго преобразователя; а еще вѣрнѣе, что рядомъ съ выясненіемъ исторической задачи въ немъ развивалась потребность художественной обработки того же предмета. Первыя замѣчанія о личности и дѣлѣ Петра были набросаны Пушкинымъ еще въ началѣ двадцатыхъ годовъ, и вскорѣ затѣмъ явились у него первыя попытки поэтически изобразить геніальную личность—въ главахъ неоконченнаго романа объ арапѣ Ганнибалѣ, въ извѣстныхъ „Стансахъ“. Попытки эти продолжались и позже, даже въ періодъ архивныхъ разысканій; но чѣмъ болѣе расширялся кругъ историческихъ свѣдѣній Пушкина, тѣмъ менѣе могъ онъ удовлетворяться своимъ прежнимъ представленіемъ о Петрѣ, въ которомъ живой человѣкъ, со всею его геніальностью и пороками, еще заслонялся условными чертами обычной апоѳеозы. Это смутное состояніе мысли Пушкина отразилось на словахъ о Петрѣ, сказанныхъ имъ Далю. Но прозрѣніе художника опережало въ немъ кропотливость изслѣдователя, и изъ той же бесѣды Даль сохранилъ драгоцѣнное свидѣтельство, что у Пушкина возникла уже мысль о большомъ поэтическомъ произведеніи, въ которомъ Петръ явился бы въ цѣльномъ образѣ. Припоминая совершенно черновой характеръ всего того, что̀ осталось отъ исторической работы Пушкина надъ Петромъ, только этимъ свидѣтельствомъ можно объяснить слѣдующія слова поэта въ его письмѣ къ женѣ, писанномъ въ маѣ 1834 года: „Ты спрашиваешь меня о „Петрѣ“? Идетъ по маленьку; скопляю матеріалы—привожу въ порядокъ—и вдругъ вылью мѣдный памятникъ, котораго нельзя будетъ перетаскивать съ одного конца города на другой, съ площади на площадь, изъ переулка въ переулокъ“ [1]). Конечно, ближайшій смыслъ этихъ словъ имѣетъ въ виду только предпринятый Пушкинымъ историческій трудъ, но смыслъ болѣе глубокій, внутренній мѣтитъ, безъ сомнѣнія, на творческое созданіе. Какъ изъ разысканій о Пугачевщинѣ возникла не только „Исторія“ бунта, но и „Капитанская дочка“, такъ историческое изученіе „крутаго и кроваваго переворота, про-

[1]) Сочиненія Пушкина, т. VII, стр. 351.

изведеннаго мощнымъ самодержавіемъ Петра“ [1]), быть можетъ, вдохновило бы Пушкина на созданіе поэтической картины той эпохи въ формѣ романа или драмы, съ личностью самого преобразователя на первомъ планѣ и съ яркимъ изображеніемъ тѣхъ противорѣчій и борьбы, какія представляла русская жизнь Петрова времени.

П. В. Анненковъ, въ своихъ „Матеріалахъ для біографіи Пушкина“, замѣтилъ, что черновая подготовка матеріаловъ для творческаго созданія длилась у великаго поэта иногда очень долго, пока наконецъ счастливый порывъ вдохновенія не обращалъ ихъ въ свѣтлыя и мощныя произведенія искусства. Это глубокое сочетаніе размышленія и вдохновенія Анненковъ подмѣтилъ, изучая рукописи Пушкина. Изъ издаваемыхъ нами воспоминаній Даля видно, что онъ путемъ живаго наблюденія пришелъ къ тому же заключенію. Тонкое замѣчаніе Даля свидѣтельствуетъ, что онъ не только питалъ глубокое уваженіе къ Пушкину, но и прекрасно понималъ его геніальную природу; поэтому-то онъ и желалъ, чтобы обстоятельства жизни Пушкина были изучены подробно, и чтобы свѣдѣнія о нихъ были тщательно собраны прежде, чѣмъ они изгладятся изъ памяти людей, близкихъ къ поэту. Оттого къ своимъ личнымъ воспоминаніямъ о немъ Даль присоединилъ нѣсколько чужихъ разсказовъ—о суевѣріи Пушкина, о его попыткѣ выѣхать изъ деревни при первомъ извѣстіи о кончинѣ императора Александра, разсказовъ вообще достовѣрныхъ, но теперь уже не имѣющихъ значенія, такъ какъ тѣ же обстоятельства извѣстны изъ другихъ источниковъ. Любопытно также, что Даль въ своихъ воспоминаніяхъ обратилъ вниманіе на непрерывно совершавшееся развитіе Пушкина, на то, какъ поэтъ на четвертомъ десяткѣ своей жизни судилъ самъ о годахъ своей молодости. Существуетъ мнѣніе, что Пушкинъ не только сложился вполнѣ въ Александровскую эпоху, но и впослѣдствіи оставался неизмѣнно представителемъ того времени. Если вообще справедливо, что обстоятельства молодыхъ лѣтъ образуютъ основу характера въ каждомъ человѣкѣ, и если это, конечно, должно быть примѣнено и къ Пушкину, то съ другой стороны, совершенство его поэтическихъ созданій, написанныхъ въ послѣдніе десять лѣтъ его жизни, дол-

---

[1]) Слова Пушкина, сказанныя въ 1834 году (Сочиненія, т. V, стр. 250).

*

жно служить доказательствомъ, что пора полнаго разцвѣта и зрѣлости наступила для Пушкина именно въ эти позднѣйшіе годы. Такъ смотрѣлъ на себя и самъ великій художникъ, и потому тѣ слова осужденія, съ которыми онъ отнесся о своей молодости въ дружеской бесѣдѣ съ Далемъ за четыре года до своей смерти, должны обратить на себя вниманіе его біографовъ.

Л. МАЙКОВЪ.